

— Пойдём, у Чэн Цзина сейчас чуть свободнее, мы подойдём.

Бай Чжаолян ласковым тоном обратился к Бай Синь, словно обсуждая с ней это: — Сходим, немного объяснимся, в конце концов, это всё равно слухи, объясним всё как есть... Ну, в худшем случае немного потреплют нервы, и на этом всё закончится. Малышка Синь?

Подумать только: в худшем случае немного потреплют нервы.

Бай Синь холодно изогнула губы, скрывая отвращение, и небрежно бросила в ответ:

— Боюсь, Чэн Цзин сочтёт, что Семья Бай не знает толк в уместности, а вовсе не то, что мы тут такие безобидные.

Заметив малейшие изменения на лице Бай Чжаоляна, она больше ничего не сказала.

Сказанного было достаточно.

Телефон в сумочке слегка вибрировал. Перед тем как пойти с Бай Чжаоляном к Чэн Цзину, Бай Синь достала его и взглянула на экран.

Тан Цзя: [Ну и ладно.]

Тан Цзя: [Вспыльчивость — это твой изначальный симптом.]

Бай Синь: [.....]

Судя по сюжету романа, главная героиня в этот период еще находилась в самом начале пути, была довольно наивной и слабой, а ее доброта порой граничила с упрямством.

Стоило Чэн Цзицин договорить, как та самая фигура, закутанная в бежевое, внезапно оказалась в поле ее зрения. И главное — помимо Чэн Цзина, вокруг находилось еще несколько человек.

Было задействовано самое простое и грубое средство: — Что такого можно сделать при большом скоплении народа? Но если ты пойдешь за мной, мне это будет неприятно, а когда я психану, то и вовсе перестану соображать, что делаю с Бай Синь.

Чэн Цзицин боялась, что та увяжется за ней и ситуация еще больше запутается.

Бай Синь опустила взгляд посреди толпы, напоминая хрупкую, беспомощную дикую кошку, а тень от ее ревностно опущенных ресниц будто отражала всю темноту ее внутреннего мира.

Чэн Цзицин отвела взгляд и произнесла: — Мисс Цинь, идите домой отдохнуть, я сейчас должна найти сестру... и Бай Синь. А... вам лучше не ходить.

Слова Чэн Цзицин возымели действие.

Бай Синь, слушая их краем уха, так и не подняла головы и ничего не стала объяснять.

На лице Цинь Юйфу проступили гнев и тревога, но она действительно не смела следовать за ними, боясь, что ничем не сможет помочь и лишь поставит Бай Синь в еще более неловкое положение.

...

Например, ее переживания о Бай Синь привели к тому, что общение с Чэн Цзицин шло не слишком гладко.

Чэн Цзицин понимала, что в таком поведении Бай Синь есть доля показухи, и когда настанет подходящий момент, она всё вернет сторицей, — но на душе у Чэн Цзицин всё равно скребли кошки.

Проследив за ее взглядом, Цинь Юйфу тоже увидела Чэн Цзина и Бай Синь. Нахмурившись, она спросила: — ...Что ты задумала?

Что же до Чэн Цзина, то она от начала и до конца держала в руке бокал красного вина с презрительным выражением на лице.

Цинь Юйфу терзалась чувством вины, не зная, как поступить.

— Все говорят, что это слухи, кто же станет воспринимать их всерьез? Но как твоя дочь могла болтать что попало?

Бай Чжаолян в этот момент лишь вымученно улыбался.

Имена названы не были, но прозвучал прозрачный намек, что это именно она оклеветала Чэн Цзицин и подговорила Бай Синсин опубликовать пост в соцсетях. Всего две фразы — и всю вину навесили на нее.

— Я пойму, даже если вы мне не верите. — Она взяла бокал красного вина и осушила его до дна. От этих речей у нее в горле пересохло.

— Я видела, как росла малышка Чэн, с чего бы ей увлекаться альфами? А вот то, что ее кто-то подставил — вполне возможно, — одна из женщин средних лет посмотрела на Бай Синь. — Обладая хорошими способностями, нужно также учиться человеческой порядочности... В этой сфере необходимо четко понимать, что делать можно, а чего делать категорически нельзя.

В свое время они с Бай Синь обсуждали этот брак, и хотя после того, как ее вынудили подать на развод, насмешкам подверглась именно Бай Синь, да и к тому инциденту на вилле с отправленным сообщением она была непричастна... в конце концов, сообщение-то ушло с ее телефона.

Бай Чжаолян: — Да, моя младшая дочь еще мала и неразумна, сморозила глупость, которая всех ввела в заблуждение, я ее уже хорошенько отчитал.

Бай Синь молчала слишком долго, и в конце концов Чэн Цзин показалось верхом нелепости то, что она вообще принимала ее всерьез... Не успела она додумать эту мысль, как внезапно услышала знакомый голос.

— Все в сборе.

Чэн Цзицин появилась позади Чэн Цзин сбоку и подороге расслышала последние слова.

Ее взгляд переместился на Бай Синь.

Омега тоже подняла глаза, встречаясь с ней взглядом. Чэн Цзицин заметила удивление в сияющих темнотой глазах Бай Синь, которое, впрочем, мгновенно сменилось холодным безразличием.

Точно таким же взглядом, каким та одарила ее, выходя из машины.

Сплошное недоразумение.

В переписке по мессенджеру всё было нормально, она никак не могла взять в толк: они же пару дней не виделись, чем она успела насолить Бай Синь?

Поразмыслив еще немного, Чэн Цзицин решила, что та, судя по всему, перевела на нее всю злость за выходку Чэн Цзина.

Какое совпадение, она ведь тоже не в восторге.

Вообще-то у нее не было особой личной неприязни к Чэн Цзин, но закулисные манипуляции последней сейчас вызывали у нее сильнейший дискомфорт.

Она шагнула вперед и на глазах у всех оказалась рядом с Бай Синь, одарив застывшую в недоумении Чэн Цзин улыбкой: — Ты почему не сказала мне, что Бай Синь тоже придет?

Лицо Чэн Цзина помрачнело, она молчала, но за нее ответил кто-то другой.

— Давно не виделись, генеральный директор Чэн. Вы ведь скоро женитесь на мисс Цинь, примите мои заранее поздравления.

Это была та самая женщина средних лет, которая только что нападала на Бай Синь. Чэн Цзицин бросила на нее равнодушный взгляд: — Кто сказал, что я женюсь? Вы готовы нести ответственность за свои слова?

Настроение было посредственным, да и разыгрывать комедию не хотелось.

Преодолев полметра, Чэн Цзицин остановилась прямо перед Чэн Цзин — они были одного роста.

Чэн Цзицин в упор посмотрела на Чэн Цзин, после чего чуть склонила голову набок и тихо произнесла так, чтобы слышали только они двое: — Я же не устраивала скандалов и не шла против тебя эти дни, вела себя очень тихо, верно? И впредь я постараюсь не доставлять тебе хлопот, завяжу с гулянками и начну жить нормально. Но...

— Всё это продиктовано не подчинением твоим принуждениям и планам, а исключительно моими собственными соображениями — точно так же, как и то, что сейчас я не люблю Цинь Юйфу и не собираюсь на ней жениться.

Дослушав последнюю фразу, Чэн Цзин побледнела: — Ты считаешь, что я давлю на тебя? Я твоя старшая сестра, неужели я стану тебе вредить?

— Самолюбование, — бросила Чэн Цзицин. — Вызывает еще большее отвращение.

Она произнесла эти слова четко и честно.

Прежде чем Чэн Цзин успела взорваться, выражение лица Чэн Цзицин смягчилось, словно только что она говорила вовсе не от чистого сердца. — Скажу честно: в тот день вилла и парковка — это я использовала Семейю Бай, чтобы заставить Бай Синь подыграть мне. Никакого так называемого романа между двумя альфами не было, я просто хотела позлить тебя... А причину ты и сама прекрасно понимаешь. Но сейчас я немного переосмыслила всё и хочу попробовать отпустить прошлое.

Чэн Цзицин видела, как менялось настроение Чэн Цзин, и понимала: она права, противоречия между оригиналом и Чэн Цзин для последней были чем-то вроде рычага давления или болезненной точки.

Чэн Цзин безмерно дорожила этой сестрой, и оригинал знала об этом, поэтому выбирала путь саморазрушения, чтобы отомстить Чэн Цзин. Вредить себе, чтобы сделать больно другому, — психология довольно нездоровая.

Они беседовали на глазах у всех. Неизвестно, о чем шла речь, но лицо Чэн Цзин то светлело, то мрачнело, и понять, к чему всё идет, было невозможно.

Окружающих поражало то, что Чэн Цзицин, стоя перед таким человеком, как Чэн Цзин, от которой исходила тяжелая аура убийственного намерения, держалась ничуть не хуже.

Бай Синь видела лишь спину Чэн Цзицин: под платьем с открытой спиной виднелась бледная кожа. Контраст черной ткани и снежной белизны вызывал у нее мысли лишь о тактильных ощущениях.

Бай Синь чувствовала, как поднимается температура ее тела. Ее указательный палец непроизвольно потянулся к бокалу с вином, в попытке охладиться. Она осознала: с ее телом что-то не так. Но ведь период течки должен был уже закончиться...

— Можешь заблокировать мои карты, можешь выгнать меня, но хватит пытаться управлять мной по-своему. Я не кукла из глины, а ты — не скульптор. — Чэн Цзицин подняла голову и посмотрела Чэн Цзин прямо в глаза. — Думаю, ты ведь тоже не хочешь, чтобы наши отношения стали еще хуже?

Высказав неприятные вещи, в этой фразе Чэн Цзицин решила надавить на чувства. В конце концов, ее целью не было окончательно разругаться с Чэн Цзин — помимо того, чтобы показать свою позицию, она преследовала еще одну цель:

— Если ты мне веришь, нет нужды следить за Бай Синь. У нас с ней нет никаких отношений, и чем больше ты за ней наблюдаешь, тем больше окружающим кажется, что со мной что-то не так...

Чэн Цзин пристально смотрела в глаза Чэн Цзицин, пытаясь найти в них хоть намек на ложь, но безуспешно. Конечно, Чэн Цзин и знать не могла, что в теле ее сестры живет душа кинозвезды.

Как только Чэн Цзицин закончила фразу, у Бай Синь подкосились ноги. Она прошептала Бай Чжаоляну, что ей нужно отойти. В ее сумочке были блокаторы, она могла бы дойти до машины... Мысли проносились в голове с бешеной скоростью, но сделать шаг она не успела.

В этот момент Чэн Цзицин обернулась и позвала ее:

— Госпожа Бай.

Это прозвучало как фатальная точка в предложении. Бай Синь стиснула зубы: едва ли Чэн Цзицин была ее спасением, скорее, она стала ее злым роком.

Чэн Цзицин сделала пару шагов к Бай Синь, но тут же заметила, что той стало еще хуже.

Чэн Цзицин: «...»

Между ними оставалось два шага. Чэн Цзицин подалась вперед, слова, следующие за «Госпожой Бай», еще застряли в горле, как вдруг ее окутал аромат духов, и она, проявив недюжинную реакцию, подхватила Бай Синь.

Омега упала прямо в ее объятия: талия тонкая и гибкая, кожа — мягкая и нежная. Чэн Цзицин невольно сжала пальцы.

Присутствующие замерли в изумлении: слухи о романе между альфами не утихли, и в головах у всех вертелась лишь мысль об их «открытом вызове обществу».

Всё произошло быстро. Бай Синь тут же выпрямилась:

— Прошу прощения, я не удержалась на ногах.

Затем она скосила взгляд и прошептала:

— Благодарю, младший гендиректор Чэн.

Ее голос был таким низким, что у Чэн Цзицин защекотало в ушах.

Вино разлилось по самой Бай Синь: рубиново-красные капли расплылись по облегающей молочно-белой ткани. На первый взгляд это походило на картину, написанную в стиле брызг туши: чернила — или вино — струились по напряженному животу вниз...

У Чэн Цзицин сжалось внизу живота. Она отвела взгляд и сделала вид, что отмахивается от назойливой темы:

— Забудь. Я человек, который четко разделяет обиды и долги, твоя связь с этим делом не имеет отношения. Но передай Бай Синсин, пусть будет осторожнее, не то в следующий раз я зашью ей рот.

Бай Чжаолян не смог вклиниться в разговор, но, поняв, что конфликт исчерпан, наконец выдохнул.

Выслушав это, Бай Синь кивнула. С пятнами от вина на платье она вежливо попрощалась и пошла переодеваться.

Чэн Цзицин даже не посмотрела ей вслед:

— Я устала стоять, пойду отдохну.

Это было сказано Чэн Цзин. Та начала сомневаться, не слишком ли много она надумала. Слова сестры эхом отдавались в голове... Чэн Цзицин уже давно не говорила с ней так много и никогда не прощалась перед уходом — как минимум, это означало, что сестра начала идти на контакт. А главное — Чэн Цзицин сказала, что хочет всё отпустить. Это было именно то, на что она надеялась, поэтому решила пока довериться.

Тон Чэн Цзин невольно смягчился:

— Иди.

Она действительно не хотела портить их отношения еще больше.

Чэн Цзицин ушла быстро. Они с Бай Синь направились в разные стороны.

Проходя сквозь толпу, Чэн Цзицин быстро достала телефон и отправила сообщение: «Ты где?»

Когда она подхватила Бай Синь, то отчетливо почувствовала, как дрожат руки омеги, а температура тела была явно повышена. Это напомнило ей ситуацию на парковке. Конечно, сегодня всё могло быть еще хуже...

Вокруг толпы народа. Если кто-то заметит, что с Бай Синь происходит, скрыть ее личность не удастся. Течка омеги на людях — это совсем не шутки. К тому же, тот бокал вина, который Бай Синь намеренно опрокинула на себя, ясно давал понять: она торопилась уйти.

Ситуация была скверной. Чэн Цзицин не стала ждать ответа и позвонила, но дважды никто не взял трубку. Лишь в третий раз она услышала на том конце прерывистое, тяжелое дыхание женщины.

Она спросила:

— Где ты?

На том конце помолчали две секунды, после чего раздался слабый, болезненный голос:

— На лестничной клетке...

<http://bllate.org/book/21912/2276388>